

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ СПОНТАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(на примере итальянского языка)

THE ROLE OF LINGUISTIC ANALYSIS OF THE ARTISTIC TEXT IN THE LEARNING OF SPONTANEOUS SPEAKER SPEECH

(In the case of the Italian language)

Елена Сергеевна БОРИСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии
Институт иностранных языков Московского городского педагогического
университета (ИИЯ МГПУ)

Абстракт. В статье рассматриваются просодические конструкции, типичные для спонтанной речи, которые являются характерным сигналом и формальными критериями, показывающими персональный голос в свободной косвенной речи. Самыми очевидными из них являются вопросительные и восклицательные конструкции, поскольку они имеют знаки препинания, которые помогают читателю различать повествовательный предмет в общей полифонической структуре литературного произведения. Результаты этого исследования могут быть использованы как дидактический материал в классах преподавания итальянского языка.

Abstract. The article discusses prosodic constructions typical for spontaneous speech which are distinctive signal and formal criteria showing the personage voice in the free indirect speech. The most obvious of them are interrogative and exclamative constructions because they have punctuation marks which help the reader to distinguish the narrative subject in the overall polyphonic structure of a literary work. The results of this research could be used as a didactic material in the classes of Italian language teaching.

Ключевые слова. вопросительные и восклицательные конструкции, свободная косвенная речь, deixis, итальянский рассказ, преподавание итальянского языка.

Key words. Interrogative and exclamative constructions, free indirect speech, deixis, Italian narrative, Italian language teaching..

В статье рассматриваются интонационные конструкции, указывающие на голос персонажа в несобственно-прямой речи (НПР). Эти конструкции типичны для спонтанной разговорной речи, потому что поэтому они сигнализируют читателю о включении «чужой»¹ речи в текст. Наиболее очевидными являются вопросы и восклицания: они маркированы соответствующими пунктуационными знаками, позволяющими читателю выделять субъекта повествования в общей полифонической структуре художественного произведения. Эта тема приобретает особую значимость при обучении как письменной, так и устной речи, так как в НПР совмещаются экспрессивные особенности синтаксиса, свойственные разговорному дискурсу, с принципами подчинения тексту нарратора по типу косвенной речи. Подробный анализ интонационно маркированных конструкций, входящих в состав НПР, может быть рекомендован студентам уровня В2-С1 в

¹ Определение «чужой» мы берем в кавычки, поскольку в любом типе повествования трансляция слов персонажа – заслуга автора, создателя текста.

рамках теоретических и практических курсов по сравнительной типологии, теоретической грамматике и переводу. Навыки, полученные в ходе изучения перечисленных дисциплин, позволят студентам грамотно строить свою спонтанную разговорную речь. Интересно, что сами носители² не всегда способны выделить конструкцию НПР из сложного полифонического узора художественного произведения, даже если они имеют специальное лингвистическое образование.

Проблема полифонизма напрямую связана с бахтинским противопоставлением Я и ДРУГОЙ, которое начиная с середины XX в. стало использоваться для анализа диалогичности практически любого текста в итальянской нарратологии. Теория «чужой»³ речи в итальянской лингвистике активно развивается в Италии именно после переводов работ М.М. Бахтина на итальянский язык. Большой вклад в эту проблематику внесли итальянские лингвисты Элеонора Кане, Биче Мортара Гаравелли и Эмилия Каларезу [4-6].

Основываясь на формальном грамматическом подходе, мы выделяем четыре типа включения «чужой» речи в текст: косвенная речь (КР), несобственно-прямая речь (НПР), прямая речь (ПР), свободная прямая речь (СПР). Основное различие этих типов в степени согласования текста персонажа с текстом нарратора, которое проявляется в различной для каждого способа передачи чужой речи системе персональных и временных дейктиков⁴.

Синтаксис художественного текста характеризуется целым рядом черт, восходящих к устной разговорной речи. Она, в свою очередь, – главный источник пополнения экспрессивных ресурсов нарратива. Однако прямой перенос разговорной речи в художественный текст без какой-либо авторской обработки невозможен. Даже если для передачи хаотичности мыслей персонажа используется прием «поток сознания» и намеренно устраняются знаки препинания, передающие интонационное оформление речи (что нередко встречается в современной итальянской прозе), организующее авторское начало несомненно присутствует. В НПР голос персонажа и голос нарратора представлены практически в равной степени. Это можно проследить в приведенной ниже таблице, где НПР занимает промежуточное положение между КР и ПР по степени зависимости вводимого высказывания персонажа от текста нарратора:

² Проводился опрос 10 носителей итальянского языка, проходящих педагогическую практику в ИИЯ МГПУ с 2015 по 2017 гг.

⁴ Подробнее о соотношении понятий «автор» – «повествователь» – «рассказчик» – «нарратор» и дейктических системах при передаче чужой речи в тексте см. [Борисова 2016: 54]

Таблица. Сопоставительный анализ четырех видов переданной речи

	Вводящее высказывание	Пунктуационное выделение	Изменения дейктиков во вводимом высказывании			Дискурсивные маркеры	Экспрессивный синтаксис
			временных	персональных	пространственных		
КР	+	-	+	+	+	-	-
НПР	+/-	+/-	+/-	+	-/+	+	+
ПР	+	+	-	-	-	+	+
СПР	-/(+)	-	-	-	-	+	+

Как видно из таблицы, основным критерием выделения НПР является первое лицо субъекта повествования в тексте персонажа, дискурсивные маркеры и экспрессивный синтаксис подробнее см. [2]. К.А. Долинин называет НПР типичной «речевой аномалией», поскольку она нарушает норму авторской речи, вводя в высказывание чужеродные элементы, принадлежащие первоначальному сообщению. [3, с. 238] Интонационные конструкции, немислимые в косвенной речи, являются именно такими чужеродными элементами, позволяющими внимательному и достаточно опытному читателю вычислить субъекта повествования в тексте, «решить уравнение», воображая другую, первично коммуникативную ситуацию.

Вопросительные конструкции наиболее часто встречаются в НПР, так как интроспективность этого вида включения «чужой» речи в текст обуславливает наличие вопросов, задаваемых персонажем самому себе. Эти вопросы нередко, кроме пунктуационного выделения, ничем не отличаются от предложений повествовательных, что связано как с относительно свободным порядком слов в итальянском языке, так и с автокоммуникативной направленностью текста в НПР. В процентном отношении таких «вопросов» сравнительно небольшое количество: из 150 рассмотренных вопросительных высказываний – всего 20, то есть 7%. Например, персонаж, пробуждаясь от тяжелого сна, в котором ему приснилась *жена и девушка, оставленная, как ему казалось, навсегда*, произносит или думает *Значит, все повторяется?* (здесь и далее мой перевод примеров – Е.Б.):

Di notte sognava la moglie e la ragazza che credeva d'aver lasciato per sempre. Si svegliava con un morso allo stomaco. [Tutto che si ripeteva, dunque?]⁵ (Luperini, p.107)

Как видно из вышеприведенного перевода, неопределенно-личное высказывание персонажа, оформленное настоящим временем, ничем не отличается от прямой речи. В итальянском тексте, в свою очередь, кроме дискурсивного слова *dunque*, указывающего на логическую зависимость произнесенного высказывания от увиденного сна, на НПР указывает согласование времен текста персонажа и текста нарратора. Ср. русский текст, где такого согласования нет в силу грамматических особенностей временной системы, и итальянский: *все*

⁵ В квадратные скобки выделены слова персонажа в составе НПР.

повторяется = tutto <...> si ripeteva. Стоит, однако, отметить, что этой формальной зависимости может и не быть в итальянском тексте. Во-первых, когда текст нарратора в настоящем времени, и это норма, во-вторых, когда автор намеренно избегает такого согласования, а это уже авторский прием. Но в последнем случае показателями НПП будут измененные персональные дейктики – «речевая аномалия», при которой говорящий или думающий субъекта выражены не-первым лицом, подробнее см. [1]. Если таковых нет в некоторых наших примерах, то по той причине, что размер статьи не позволяет приводить более широкий контекст, в котором это не-первое лицо субъекта повествования появляется.

По характеру возможного ответа интонационные вопросы могут быть общие, как в предыдущем примере, и альтернативные. При ответе на альтернативные вопросы выбирается один из двух вариантов, данных в вопросе:

Un pomeriggio <...> avevo ricevuto una telefonata da Alberto Finzi-Contini. [Era vero o no], mi aveva chiesto subito <...> [era vero o no che io e «tutti gli altri» <...> eravamo dimessi in blocco dal club: «cacciati via», insomma?] <абзац> Smentii recisamente: [non era vero, non avevo ricevuto nessuna lettera del genere; almeno io]. (Bassani, p.67)

В этом примере ответ на вопрос Альберто Финци-Контини *правда или нет, что я и «все остальные» <...> отстранены от членства в клубе: «выгнаны», в общем?* дает нарратор-персонаж *не правда, я никакого такого письма не получал; я, по крайней мере.* В итальянском тексте в реплике-реакции на НПП указывает только плюсквамперфект *non avevo ricevuto*, замещающий сложный перфект в согласованном с вводимым высказыванием текстом персонажа. Здесь нет изменения персонального дейктика, поскольку отрывок взят из диегетического повествования, т.е. повествования от 1-го лица, тем не менее диалогичность текста совмещенная с временной транспозицией в ответе указывает на НПП.

Частные вопросы, в отличие от общих и альтернативных, вводятся вопросительными словами, которые в свою очередь сами могут функционировать в качестве неполного вопросительного предложения:

Un semaforo, inversamente acceso, lo costrinse a sostare. [Come lo avrebbe assalito? Dove?] (Pratolini, p.211)

Подобные вопросы, включенные в НПП, создают впечатление спонтанной разговорной речи, которую читатель, несмотря на не-первое лицо субъекта повествования, воспринимает как речь персонажа.

Очень часто в НПП вопросы вводятся причинным вопросительным оператором *perché*, что опять же связано с интроспективностью НПП: персонаж задает себе вопросы с целью понять причины сложившейся ситуации.

Ogni volta che pensava a quel bambino perso per niente sentiva di odiare Patricia. [Perché l'aveva umiliata così? Perché? Lei l'aveva amata molto, troppo. <...> Perché

l'aveva ricambiata con un aborto imposto e un suicidio? Perché non portarla con sé nella morte?]) (Scego, p.272)

Четырехкратный повтор «почему» (Почему она так ее унизила? Почему? Она так сильно ее любила, даже слишком. <...> Почему она ответила на ее любовь абортom и суицидом? Почему она не взяла ее с собой в могилу?), несмотря на согласование временных и персональных дейктиков с текстом нарратора по типу косвенной речи, придает тексту персонажа остроту и спонтанность, свойственную спонтанной разговорной речи.

В частных вопросах НПР может фигурировать дискурсивное слово *forse* в значении *разве*. В этом случае вопрос осложняется оттенками недоверия, неуверенности, сомнения, удивления, недоумения. *Forse* показывает, что вопрос вызван несоответствием между представлением говорящего о чем-либо и тем, что этому представлению так или иначе противопоставляется:

[Non c'era forse di più da dipingere in una donna vestita? <...>] Ginia quasi piangeva. (Pavese, p.22)

В НПР довольно часто встречаются «вопросы-эхо», которые повторяют предыдущее высказывание. Причем повторяться может как высказывание из текста персонажа, так и высказывание из текста нарратора. В следующем примере размышления Дидù в НПР повторяют слова Кокò, входящие в состав косвенной речи:

Cocò, la sera avanti, le aveva detto che finalmente era venuto il tempo di pensare sul serio ai <u>casi loro</u> . Didí aveva sgranato tanto d'occhi. <абзац> [<u>Casi loro?</u> <u>Che casi?</u> Ci potevano esser <u>casi</u> anche per lei, a cui pensare, e per giunta sul serio?]) (Pirandello, p.296)	Кокò вчера вечером сказал ей, что, наконец, пришло время серьезно подумать о себе, об их жизни. Диди вытаращила глаза. <абзац> [<u>Об их жизни?</u> <u>Какой жизни?</u> Разве это касалось ее, над этим надо было думать? и причем серьезно?]
--	--

Подобный прием имитирует разговорную диалогическую речь, насыщенную повторами, возникающими на стыках реплики-стимула и реплики-реакции. Интересно, что в НПР диалогические единства могут включать не только высказывания персонажей, диалог может происходить между текстом персонажа и нарратора. Подобные таблицы-сравнения могут стать благодатным дидактическим материалом на занятиях по изучению итальянского языка.

Как уже отмечалось выше, НПР часто передает саморефлексию персонажа, именно с этим связано появление риторических вопросов, которые в подавляющем большинстве используются во внутренних монологах или диалогах, имеют экспрессивный характер и передают разные оттенки эмоционального состояния персонажа: уверенность, неуверенность, смущение, нерешительность и т.д. Причем иногда вопросительный знак отсутствует, а вопросительная модальность остается

благодаря специфическому синтаксису, например, благодаря частично десемантизированному союзу *o*, вопросительному слову *che* и конъюнктиву в следующем высказывании персонажа в НПР:

Cosmo Antonio Corvara Amidei teme d'impazzire, [o che tutti si siano messi d'accordo per fargli una beffa atroce.] (Pirandello, p.469)

Включение в нарратив особенностей, свойственных разговорной речи, предполагает использование конъюнктива в независимых предложениях. В предыдущем примере, несмотря на связь текста нарратора с помощью запятой с текстом персонажа, последнее можно рассматривать как независимое вопросительное предложение с оттенком удивления: *неужели все сговорились сыграть с ним злую шутку?* Экспрессивность независимых вопросительных предложений с использованием конъюнктива вместе с не-первым лицом субъекта высказывания позволяет читателю рассматривать соответствующий отрезок текста как НПР.

Довольно часто в НПР встречаются вопросы, введенные оператором *se* в сочетании с союзом-интенсификатором *e*. Ответами могут быть возможные варианты реализации действия, указанного в вопросе:

Leo sapeva a quale rischio andava incontro con queste parole; [<u>e se quelli avessero venduto la villa all'asta?</u> In tal caso il vero valore si sarebbe rivelato e l'affare sarebbe svanito...] (Moravia, p.58)	[А если бы они продали виллу с аукциона? В этом случае ее настоящая цена обнаружилась бы и дело бы провалилось...]
--	--

Одним из характерных признаков риторических вопросов являются инфинитивные предложения [7, p. 114], которые также могут совмещать в себе вопросительно-восклицательную интонацию, даже если вопрос не маркируется графически:

Si dibatteva tra il sentimento del dovere e della gratitudine e il ribrezzo <...>. [Tradire, no; ma mentire, mentire neppure!] (Pirandello, p.437)	Он метался между чувством долга, благодарности и чувством отвращения <...>. [Предать, нет; но лгать, лгать, тоже нет!]
--	--

В этом примере сомнения персонажа переданы инфинитивными предложениями, внутренний диалог включает в себя вопросительные реплики-стимулы *tradire?* = *предать?*, *mentire?* = *лгать?* и отрицательную реакцию на них *no; mentire neppure!* В нейтральной форме инфинитивные предложения из этого примера выглядели бы следующим образом: *Non poteva né tradire né mentire* и уже не передавали бы слова персонажа, но рассказчика.

Следует еще раз подчеркнуть, что вопросы в НПР встречаются очень часто. Благодаря графической маркированности они легко выделяемы, поэтому читатель

без труда относит вопросительно оформленное высказывание к словам персонажа, даже если субъектом повествования является не-первое лицо.

Восклицательные конструкции являются маркерами НПП наряду с обязательной транспозицией лица и факультативно временного плана во вводимом высказывании. Как и в вопросительных предложениях НПП, графическое оформление переключает внимание читателя с текста нарратора на текст персонажа. Поскольку «восклицательные высказывания всегда имеют конкретного субъекта речи и оценивают некоторый аспект действительности как необычный» [8, р. 10], интонационная оформленность исключает восклицания из косвенной речи, не предназначенной для передачи эмоций говорящего. Восклицательной интонацией может выделяться либо все высказывание, либо его часть. По характеру отличий от нейтральных повествовательных предложений можно выделить несколько типов восклицаний:

- 1) маркированные только интонационно,
- 2) введенные интродуктором и маркированные интонационно,
- 3) маркированные интонационно и особым порядком слов.

Восклицательной интонацией в НПП могут выделяться отдельные слова, синтагмы, вводные, самостоятельные и придаточные предложения. Чаще всего – это междометия или предложения, содержащие их.

В НПП часто включаются идиоматические выражения с *che* типа: *che diamine! che diavolo!* и т.д., выполняющие функцию междометий. Или же междометия используются в номинативных предложениях, которые передают спонтанность мыслей персонажа и довольно часто – экспрессивную оценку создавшейся ситуации, некий вывод или комментарий: *она была потеряна в одно мгновение! О, горе! горе!*:

Si sentiva pure miseramente responsabile del suo fallo. [Sì, lei, <...> lei che aveva sempre accolto in sé sentimenti puri e nobili, lei che aveva considerato il proprio sacrificio come un dovere: in un momento, perduta! Oh miseria! miseria!] (Pirandello, p.12)

Номинативные предложения могут включаться в НПП в качестве вводных и придавать высказыванию персонажа естественную разговорную окраску, дополнительно характеризуя какой-нибудь объект действительности, выделенный персонажем, в следующем примере это *скотские ручищи!*:

[E aveva pure avuto la faccia tosta di minacciarlo col pugno sotto il naso (certe manone da bruto!), lui, che era semplicemente venuto a chiedere un'informazione.] (Fruttero&Lucentini, p.235)

Часто номинативные восклицательные предложения парцеллируются. В следующем примере презрительно-недоверчивый повтор предыдущих мыслей

персонажа *Защитник! У Сандрино!* представлен двумя интонационно оформленными номинативными частями:

E del resto, dopo di averli frequentati <...> aveva potuto persuadersi ch'essi erano più ingenui che cattivi: [anche Faliero, di certo un nemico, e mortale, ecco si ergeva a protettore di Sandrino. Un protettore! Di Sandrino!] (Pratolini, p.113)

Кроме распространенных интродукторов *che, chi* восклицательные высказывания в НПР довольно часто вводятся операторами *come* и *quanto*.

Come может выполнять функцию усиления при повторе: *e tagliata bene, come bene!* (Tomasi di Lampedusa, p. 59) = *и хорошо скроенной, и как хорошо!*

При сочетании с существительными, обозначающими время, *quanto* вводит восклицательные высказывания, выражающие недоумение персонажа: *Cinque lire! Ah da quanto tempo non l'aveva più veduta così <...>* (Pirandello, p.473) = *Пять лир! Ах, как же давно она не видела ее такой <...>!*

Появление в тексте восклицательного оператора в сочетании с 3-м лицом субъекта повествования может и не маркироваться восклицательным знаком, но экспрессивность высказывания, созданная повтором квантификатора, указывает читателю на НПР: *Quanto, quanto, quanto la amava...* (Pirandello, p.188) = *Как, как, как он ее любил...*

Восклицательные высказывания персонажа в НПР, как и вопросительные, могут вводиться оператором *se* и представлять собой экспрессивные асерции. В следующем примере в НПР передана реакция персонажа на поведение другого персонажа, описанное в тексте нарратора (реакция возмущения и несогласия вводится противительным союзом *ma*, выполняющим усилительную функцию в восклицании:

E la Fogliato, piena di curiosità, partecipazione, solidarietà <...> quasi si offendeva un'altra volta per la sua reticenza. [Ma <u>se</u> lui stesso non ci capiva più niente! <u>Se</u> lui stesso <...> non sarebbe stato in grado di confermare o escludere nessuna ipotesi, proprio nessuna!...] (Fruttero&Lucentini, p.252)	А Фольято, любопытная и участливая, полная солидарности <...> опять почти обиделась из-за его сдержанности. [Но <u>если</u> он сам ничего не понимает! <u>Если</u> он сам <...> не может ни подтвердить, ни опровергнуть ни одну гипотезу, ни одну!..]
---	--

Довольно часто восклицательная интонация дублирует маркированный инвертированный порядок слов. Например, при так называемом смещении дополнения вправо: *Ne aveva fino alla gola, di quel mestieraccio!* (Pirandello *Novelle...*, p.385) = *Он сыт по горло этой работенкой!* Или при инверсии главных членов предложения:

Г₁: «Il mio ragazzo fa rumore quando si alza? La disturba?»

Г₂: [Se faceva rumore, il ragazzo! Ma era il rumore di un ragazzo, l'unico che la costringesse a sussultare.] (Pratolini, p.36)

Г₁: «Мой мальчик шумит, когда встает? Он вас беспокоит?»

Г₂: [Шумит, мальчик! Шум мальчика – это единственный шум, который заставлял ее вздрагивать.]

Восклицательной интонацией всегда маркируются высказывания императивной модальности. Их появление в тексте одновременно с не-первым лицом субъекта повествования указывает на НПР. Если вводящее НПР высказывание стоит в прошедшем времени, то значение императива во вводимом высказывании может быть передано формой *Congiuntivo imperfetto*:

Si mise sul ballatoio a gridare che [lei non ne voleva roba degli altri, aprisse bene le orecchie la Santuzza!] (Verga, p.155)

Он высунулся на балкон и закричал, что [ей не нужно чужое, Сантуцца, открой уши пошире!].

Значение побуждения в НПР может передаваться не только особой формой глагола, но и синтаксическим способом, например, повтором: *Anche a costo di passare l'intera nottata nascosto nella chiesetta di Santa Lucia, egli doveva, doveva riavere quella berretta ch'era sua!* (Pirandello, p.383) = *Он готов провести всю ночь, спрятавшись в церкви Санта Лючия, но он должен, должен заполучить свой берет!*

Поскольку у глагола *dovere* не существует специальной формы повелительного наклонения, повтор в восклицательном предложении позволяет воспринимать этот отрезок текста как голос персонажа.

Императивная модальность может быть выражена отглагольными междометиями типа *basta*: *E ora basta! basta davvero! Non voleva più saperne!* (Pirandello, p.20) = *Все, хватум! хватум! Он больше знать об этом не хочет!*

Побуждение в НПР может быть выражено не только глаголами, но и другими частями речи, например, существительными: *Attese un po', col cuore in tumulto. [Silenzio!]* (Pirandello, p.145) = *Он немного подождал – сердце колотилось от волнения. [Тишина!]* или наречиями типа *avanti*!: *Ma che voleva dire? Avanti! Avanti! Era come se cominciasse ora la vita. Avanti! Avanti!* (Pirandello, p. 485) *Но что это значит? Вперед! Жизнь будто только начинается. Вперед! Вперед!*

Как известно, в косвенной речи императивной модальности быть не может, поэтому наряду с другими признаками НПР, она указывает на появление голоса персонажа в тексте.

Хотелось бы также обратить внимание на восклицательное слово *ecco* = *вот*, которое часто маркирует слова персонажа в НПР. Оно может использоваться для

привлечения внимания к какому-либо объекту, для выделения какого-либо факта, события или для указания на внезапное появление чего-то: *Ma eccolo già! Eccolo! Eccolo!* (Pirandello, p.474) = *Но вот оно уже там! Вот оно! Вот оно!*

Также *ecco* может использоваться в речи персонажа при констатации исчезновения какого-либо объекта: *vuoto... ecco! Adriana... Sentì di nuovo l'abisso aprirglisi dentro.* (Pirandello, p.186) = *пустота... вот! Адриана... Он вновь почувствовал, как внутри него разверзается пропасть.*

Ecco может относиться к предыдущему или последующему контексту и, синтезируя, заканчивать, как в предыдущих примерах, или начинать некое умозаключение в НПР: *Quell'uomo aveva sempre la stessa faccia, ecco il guaio!* (Fazioli, p.25) = *У этого человека всегда одно и то же лицо, вот в чем беда!*

В сочетании с глагольной формой прошедшего времени *ecco* указывает на завершение какого-либо действия: *Ecco scoperto il mistero, ecco da dove veniva la musica!* (Fazioli, p.99) = *Вот и раскрылась загадка, вот откуда слышна была музыка!*

Необходимо учитывать, что эгоцентризм *ecco*, частичная принадлежность которого довольно неопределенна, появляется в сочетании с формами прошедшего времени только в случае нарушения норм традиционного нарратива, которое возможно в НПР. С прошедшим нарративным временем этот эгоцентрический элемент не сочетается.

Подводя итоги, следует сказать, что вопросительные и восклицательные высказывания – это наиболее очевидные, в большинстве своем графически маркированные конструкции экспрессивного синтаксиса, которые указывают на голос персонажа в НПР. Интроспективность НПР обуславливает широкое использование вопросительных конструкций, которые могут иметь и восклицательную интонацию. Поэтому в некоторых случаях можно говорить о сходстве восклицательных и вопросительных высказываний на структурном уровне и о различиях в прагматической направленности. Экспрессивная интонация рассмотренных конструкций может дублироваться экспрессивным синтаксисом, свойственным спонтанной разговорной речи: повторами, выделительными, парцеллированными и присоединительными конструкциями, которые сегментируют текст на интонационно-смысловые отрезки. Все это в совокупности с интонационными знаками создает эффект непринужденности речи или естественного хода мысли персонажа, который достигается за счет использования конструкции НПР. Детальное изучение данного аспекта позволит студентам, изучающим итальянский язык, осознать степень проникновения спонтанной разговорной речи в художественный текст и применить полученные знания в практике речевого общения.

Библиография:

1. Борисова Е.С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Е.С. Борисова Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» №1 (21). Москва: НИИЦ МГПУ, 2016, с.54-60.
2. Борисова Е.С. Дейксис в несобственно-прямой речи (на пример итальянского нарратива XIX-XXI вв.) // Сборник материалов VII научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности». Москва: МГУ, 2015, с. 32-52.
http://istina.msu.ru/media/icollections/collectioneditorship/a4e/e83/10129428/Sb_rom_konf_2013_Izd_2015.pdf
3. Долинин К.А. Интерпретация текста. Москва: URSS, 2007.
4. Cane E. Il discorso indiretto libero nella narrativa italiana del Novecento. Roma: Silva, 1969.
5. Calaresu E. Testuali parole. La dimensione pragmatica e testuale del discorso riportato. Milano: FrancoAngeli, 2004.
6. Mortara Garavelli B. La parola d'altri. Prospettive di analisi del discorso. Palermo: 1985.
7. Fava E. Il tipo interrogativo. // Tipi di frasi principali in Grande grammatica di consultazione a cura di Cardinaletti A., Renzi L., Giampaolo S. Vol. III. Bologna: Il Mulino, 2001 [1995], p.70-125.
8. Sorianello P. Aspetti prosodici e pragmatici dell'atto esclamativo // Studi Linguistici e Filologici Online 9, Dipartimento di Linguistica, Università di Pisa: 2011, p.287-332.
www.humnet.unipi.it/slifo

Источники примеров

1. Bassani G. Il giardino dei Finzi-Contini. Torino: Einaudi, 1999.
2. Fazioli A. L'uomo senza casa. Parma: Ugo Guanda Editore, 2010.
3. Fruttero C., Lucentini F. La donna della domenica. Milano: Mondadori, 2008.
4. Luperini R. I salici sono piante acquatiche. Lecce: Manni, 2002.
5. Moravia A. Gli indifferenti. Milano: Bompiani, 2007.
6. Pavese C. La bella estate. Torino: Einaudi, 2005.
7. Pirandello L. Novelle per un anno. Milano: Mondadori, 1990.
http://www.classicitaliani.it/pirandel/novelle/13_187.htm
8. Pratolini V. Un eroe del nostro tempo. Milano: Bompiani, 2013.
9. Scego I. Oltre Babilonia. Roma: Donzelli, 2008.
10. Tommasi di Lampedusa G. Il Gattopardo. Mosca: Jupiter-Inter, 2005.
11. Verga G. I Malavoglia. Milano: Mondadori, 1991.